

шениях с внешним миром, но и на отношениях внутри сельского общества. Средства, получаемые общиной, позволяли частично снять налоговый гнёт с её членов.

Расход «мирского капитала», как правило, строго контролировался общиной. Крупные траты обсуждались на сельских сходах, принимались коллективные решения. Обычно деньги тратились на выплату податей, на строительство общественных зданий (школа, церковь, правление, хлебозапасной магазин) и другие общие нужды. В начале XX в. мы наблюдаем бурное развитие мелкого кредита. Зачастую при волостных правлениях возникают такие учреждения, где значительную часть капитала составлял именно «мирской капитал».

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3, оп. 44.
2. Мариупольский А. М. Винокурение и винная торговля на Алтае во второй половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае XVIII в. 1920-е гг. – Барнаул, 1993. – С. 50–64.
3. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – Вып. 5, ч. 2. – СПб., 1889. (Исследование Кауфмана А. А.).
4. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. – Том II, вып. II. Землевладение и землепользование. – Барнаул, 1898.
5. Нарымский край. Историко-статистический очерк. Записки ИРГО по отделению статистики. – Т. 10, вып. 1. – Томск, 1898.
6. ЦХАФ АК. – Ф. 184.
7. ЦХАФ АК. – Ф. 192.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КВАЛИФИКАЦИОННОГО СОСТАВА МАСТЕРОВЫХ КАБИНЕТСКИХ КАМНЕРЕЗНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА И СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Л. С. Тихобаева, Алтайский государственный университет

Предприятия камнерезной отрасли промышленности России XVIII – начала XX в. располагались на огромном расстоянии друг от друга (Петергоф – Екатеринбург – Кольвань), входили в равноуровневые территориальные объединения, отличались ведомственным подчинением, что обусловило не только формирование сырьевых, технических, технологических и социальных особенностей каждого из них, но и территориальную ограниченность существующих исследований в этой области, за исключением искусствоведческих и геммологических аспектов [2–4; 6–7 и др.]. Вместе с тем функционирование камнерезных предприятий не носило автономный характер, а осуществлялось в постоянном взаимодействии и сотрудничестве в отношении опыта, планирования, сырья, кадров, перевозки готовых изделий в Санкт-Петербург, которые еще не стали объектами специальных исследований. Преодоление территориальной ог-

раниченности в изучении различных аспектов истории российской камнерезной промышленности позволяет существенно повысить его результативность.

Данной статьей положено начало исследования рабочих камнерезных центров Урала и Сибири – Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода, Локтевской шлифовальной мельницы и Колыванской шлифовальной фабрики – в период их единого ведомственного подчинения Кабинету Его Императорского Величества (далее Кабинет). До настоящего времени специальному исследованию подвергалась лишь одна из привилегированных категорий рабочих Екатеринбургской гранильной фабрики – ученики резного художества, в контексте их камейной деятельности [3]. Алтайские камнерезы становились объектом внимания Н. Я. Савельева, но вопросы, связанные с их социально-экономическим, юридическим положением, а также кадровобразованием, затрагивались им поверхностно [5]. В настоящей статье впервые в историографии представлен сравнительный анализ среднего и низшего квалификационного состава мастеровых кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири 1786–1861 гг., который осуществлялся по основным функциональным характеристикам и размерам годовых окладов жалованья различных категорий камнерезов. Информация по этим показателям была получена из формулярных, именных списков мастеровых и штатных расписаний уральских камнерезных предприятий и Колыванской шлифовальной фабрики. Причем наибольшая сохранность формуляров, охватывающих период с 1801 по 1846 г., фиксируется в материалах последней из них [8, оп. 2, д. 697, л. 1–96 об.; д. 1860, л. 1–175; д. 2576, л. 1 об. – 210; оп. 1, д. 4793, л. 1–150; 9, оп. 2, д. 2а, л. 125–138]. Квалификационный состав рабочих Екатеринбургской гранильной фабрики отражен лишь в трёх формулярных списках, хронология которых ограничена 1806–1815 гг. [1, оп. 1, д. 7, л. 2 об. – 20; д. 46, л. 27 об. – 37 об.; д. 64, л. 1 об. – 7]. Формуляры камнерезов Горнощитского мраморного завода сохранились только за 1812 г. [1, оп. 1, д. 46, л. 18 об. – 25 об.]. Преодолеть данную хронологическую ограниченность позволило привлечение именных списков на выдачу жалованья нижним чинам и мастеровым уральских камнерезных предприятий за 1827, 1841 и февраль 1861 гг., которые содержат полную информацию о размерах годовых окладов жалованья камнерезов, но уступают формулярам в характеристике функциональности их отдельных категорий [1, оп. 1, д. 195, л. 55 об. – 67, 69 об. – 76; д. 261, л. 23 об. – 34, 35–50; д. 363, л. 37 об. – 55 об., 57 об. – 62]. Исключение из рассмотрения в данной статье высшей и привилегированной групп алтайских и уральских камнерезов обусловлено их особым правовым и функциональным положением.

На каждом кабинетском предприятии по роду деятельности среди мастеровых можно выделить группу собственно мастеровых, выполнявших основную работу, связанную со специализацией предприятия, а также группу, осуществлявшую вспомогательные работы (кузнецы, плотники, столяры, шорники и др.). Дальнейшая дифференциация мастеровых, прежде всего в первой группе, свя-

зана с их «специальностью», обусловленной видом производства, характерным для предприятия (медеплавильное, монетное, камнерезное и т. п.). Каждая «специальность» требовала определенных производственных навыков, поэтому внутри неё существовала квалификационная иерархия. Возглавляли её мастера, среднее звено было представлено подмастерьями, а низшее – учениками. Эти группы могли быть разбиты на статьи. Первое квалификационное деление алтайских камнерезов, по данным Н. Я. Савельева, было осуществлено в ноябре 1786 г. практически сразу после начала работы первого камнерезного предприятия на Алтае при Локтевском сереброплавильном заводе его управляющим В. С. Чулковым и мастером Петергофской гранильной фабрики П. Баклановым [5, с. 9]. Оно заключалось в разделении мастеровых на две «статьи»: отдельщиков и учеников. Кроме них существовала квалификация «гранильных учеников», которая не входила в это деление, так как её представителей готовили в мастера. Впоследствии она исчезла и уже в 1805 г. не фиксировалась в формулярных списках.

Открытие важнейших месторождений поделочных камней Алтая в конце XVIII в. повлияло на увеличение числа и качества заказов для камнерезного производства со стороны Кабинета, что, в свою очередь, вызвало рост количества мастеровых и расширение их квалификационного состава. К 1801 г. в квалификационных группах отдельщиков и шлифовальных учеников сложилась внутренняя иерархия, выраженная в разделении их на несколько статей с различным годовым окладом жалованья [9, оп. 2, д. 2а, л. 125–138]. Такое деление существовало на всех кабинетских предприятиях второй половины XVIII – первой половины XIX в. Однако общий подход к дифференциации мастеровых не исключал особенностей на заводах, имевших различный производственный профиль.

Если организация и функционирование камнерезного производства на Алтае изначально осуществлялись по инициативе и под контролем Кабинета, то Екатеринбургская гранильная фабрика и Горноцитский мраморный завод поступили в его ведомственное подчинение только в ноябре 1811 г. [1, оп. 1, д. 44, л. 1–2]. К этому времени оба предприятия уже имели сложившийся квалификационный состав мастеровых, закрепленный штатным положением 21 октября 1804 г. [1, оп. 1, д. 81, л. 20 об. – 27], по которому они делились на 4 статьи при гранильной фабрике и на 2 статьи при мраморном заводе. Формулярные и именные списки свидетельствуют о том, что это деление носило условный характер. Например, в 1827 г. в составе мастеровых гранильной фабрики фиксируются только две статьи, а мраморного завода – четыре. Штатным расписанием этих предприятий 1835 г. предусматривалась градация мастеровых на три статьи [1, оп. 1, д. 163, л. 7–9 об.].

Высшую ступень в квалификационной иерархии алтайских камнерезов занимали подмастерья, которые фактически соответствовали мастерам. Среднее звено занимала категория отдельщиков. Штатным расписанием шлифовальной

фабрики 1807 г. предусматривалось деление этой категории на 4 статьи с годовым окладом жалованья от 36 до 42 руб. [9, оп. 2, д. 2а, л. 287 об. – 289]. В формулярных списках отшельников фабрики деление на статьи не фигурирует (за исключением списка 1846 г.). Его можно провести исходя из размера их годовых окладов. Сравнение данных по годовым окладам отшельников Колыванской шлифовальной фабрики и мастеровых 1-й и 2-й статей Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского завода дают основание для вывода об их соответствии, хотя оклады работников 2-й статьи были несколько ниже. В пользу соответствия этих категорий свидетельствуют и их функциональные характеристики, представленные в формулярах. Тем не менее средней ступенью в служебной лестнице уральских камнерезов следует считать категорию подмастерьев, т. к. общее руководство работами на гранильной фабрике и мраморном заводе осуществлялось двумя мастерами. Выделение уральских подмастерьев в качестве среднего звена интересно с точки зрения сравнения их с соответствующей категорией шлифовальной фабрики.

Фактический годовой оклад жалованья (39–46 руб.) уральских подмастерьев в 1806 г. значительно уступал в размере штатному (96 руб.). Годовой оклад алтайских подмастерьев в этот же период колебался от 42 до 84 руб. и составлял в среднем 60 руб. Формулярные списки Колыванской шлифовальной фабрики за 1816 г. и именные списки на выдачу жалованья мастерам Екатеринбургской гранильной фабрики за 1827 г. демонстрируют выравнивание годовых окладов подмастерьев камнерезного предприятия Урала и Алтая соответственно от 46 и 60 до 200 руб. Годовые оклады подмастерьев Горнощитского завода уступали им в размерах и варьировались в 1827 г. от 42 до 50 руб. Штатом 1835 г. предусматривалось сокращение числа подмастерьев на уральских предприятиях до двух человек с годовым окладом 120 руб. ассигнациями каждому. В 1841 г. при гранильной фабрике и заводе фиксируется по одному подмастерью с годовым окладом 117 руб. ассигнациями, что свидетельствует о соответствии фактического их положения штатному. Средний годовой оклад колыванских подмастерьев в 1846 г. был ниже на 27 руб. Таким образом, несмотря на то, что уральские и алтайские подмастерья занимали различное положение по служебной лестнице, между ними возможны параллели в отношении размера годовой оплаты труда и выполнения одинаковых функций по надзору за правильностью выполнения работ мастерами. Набор навыков уральских подмастерьев более соотносится с квалификацией отшельников, нежели алтайских подмастерьев, хотя описание умений и навыков в формулярах этих категорий могут носить ограниченный или недостоверный характер, что придает нашему суждению предположительный характер. Тем не менее эти наблюдения служат подтверждением тому, что алтайские подмастерья получали жалованье, соответствовавшее своему «званию», но не соответствовавшее фактическому статусу.

Сравнительный анализ низшей ступени служебной лестницы алтайских и уральских камнерезов демонстрирует существенную разницу между ними. На Колыванской фабрике низшее звено формировалось постепенно и к 1806 г. было представлено тремя квалификационными категориями: шлифовальных учеников, каменоломцев и каменотесцев. По штату 1807 г. шлифовальные ученики делились на пять статей. Годовое жалование для них устанавливалось от 23 до 30 руб. Однако в формулярных списках мастеровых фабрики с 1816 г. фиксируются только две статьи учеников. Годовые оклады первой из них варьировались в 1821 и 1846 гг. от 34 до 46 руб. Ученикам второй статьи жалование платили по 11 коп. за один рабочий день, несмотря на фиксированный штатом оклад. На уральских предприятиях мастеровые всех статей находились на окладном жалованье. Причем деление на статьи фигурирует в документах уральских предприятий только с 1804 г. В 1806 г. годовые оклады мастеровых 3-й статьи полностью соответствовали окладам шлифовальных учеников 1-й статьи, но к 1835 г. разница между ними составила в среднем 15,25 руб. ассигнациями в пользу последних. Жалование мастеровых 4-й статьи в 1806–1812 гг. колебалось от 15 до 18 руб. в год, а штатом 1835 г. эта статья была упразднена. Таким образом, соответствие шлифовальных учеников и мастеровых 3-й и 4-й статей по размеру годового оклада нам не удалось установить. Годовое жалование мастеровых 2-й статьи более соотносится с жалованием шлифовальных учеников. Набор навыков учеников и мастеровых 2, 3 и 4-й статей камнерезного производства, состоящий преимущественно из обсежки, точки, полировки, шлифовки и сверления каменных изделий, зафиксированный в их формулярах, позволяет говорить о некотором их функциональном соответствии.

Деление категории каменоломцев на 5 статей, предусмотренное штатом 1807 г., не нашло отражения ни в одном из известных документов Колыванской фабрики. Каменоломцы не работали в зимнее время, так как использовались в основном на каменоломнях. В штатном расписании освобождение их от работ зимой мотивировалось тем, что каменоломцы доезжали до места на собственных лошадях. Каменотесцы же круглый год работали при «шлифовальне» [8, оп. 2, д. 1426, л. 65 об. – 75]. По данным формуляров, они обладали равным набором видов обработки камня со шлифовальными учениками 2-й статьи: обтёской, шлифовкой и полировкой. Поденные тетради довольно часто фиксируют факт обработки ими пьедесталов [10, оп. 1, д. 158, л. 851 об. – 852], что может свидетельствовать в пользу специализации каменотёсцев на их изготовлении. Но их могли использовать при ремонте, а также строительстве фабричных строений. В 1806 г. годовой оклад каменоломцев и каменотесцев соответствовал 24 и 23 руб., а в 1816 г. сравнивался и составлял от 34 до 36 руб.

Из документов Экспедиции мраморной ломки и прииска цветных камней, в ведении которой находились уральские камнерезные предприятия до 1805 г., известна лишь однократная фиксация категории каменотесцев при разработках Становского белого мрамора в 1771 г. [1, ф. 770, оп. 1, д. 131, л. 7–7 об.]. Указа-

ние на знание каменотесного дела преобладало в функциональной характеристике мастеровых Горношнитского завода 1812 г. Кроме того, поиск, разработка месторождений камня и добыча монолитов для камнерезных изделий осуществлялись в летнее время мастеровыми гранильной фабрики и завода под руководством подмастерьев или мастеров, поэтому можно предположить, что функции каменотесцев и каменоломцев выполнялись мастеровыми.

Вспомогательные категории мастеровых гранильной фабрики и завода: кузнецы, столяры, плотники и т. п. – в формулярных и именных списках отдельно не выделялись, а входили в общий состав мастеровых различных статей, о чем свидетельствует их функциональная характеристика, хотя штатами 1804 и 1835 гг. это деление предусматривалось. Квалификационный состав вспомогательной группы мастеровых Кольванской шлифовальной фабрики, в котором представлен практически весь набор вспомогательных специальностей, функционировал за рамками основной квалификационной группы.

Сравнительная характеристика по размерам годового денежного содержания, функциональности и квалификационным навыкам позволила выявить несоответствие высшего, среднего и низшего квалификационных звеньев уральских и алтайских камнерезов. Кроме того, размеры годовых окладов жалования низшего звена шлифовальной фабрики существенно превышали оплату труда мастеровых 4, 3 и даже 2-й статей кабинетских камнерезных предприятий Екатеринбургского горного округа. В то же время годовое жалование колыванских подмастерьев существенно уступало по размерам подмастерьям Урала.

-
1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 86.
 2. Искусство екатеринбургских камнерезов: Каталог / Сост. и авт. вступ. ст. Н. М. Мавродина. – СПб., 2000.
 3. Каган Ю. О. Камни класса резного художества. – Екатеринбург, 2002.
 4. Работы камнерезов Колывани в Эрмитаже: Каталог выставки / Сост. и авт. вступ. ст. Н. М. Мавродина; науч. ред. Ю. О. Каган. – Л., 1990.
 5. Савельев Н. Я. Алтайские камнерезы. – Барнаул, 1956.
 6. Семенов В. Б., Тимофеев Н. И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805–1861 гг. – Екатеринбург, 2003.
 7. Ферсман Е. А. Очерки по истории камня: В 2 т. Т. 1. – М., 2003.
 8. ЦХАФ АК. – Ф. 1.
 9. ЦХАФ АК. – Ф. 59.
 10. ЦХАФ АК. – Ф. 60.